

УДК 94 (47) "18"

Морова О.В.*Московский государственный областной гуманитарный институт (г. Орехово-Зуево)***«МЕСТНОСТЬ ЗАВОДСКАЯ И ЛЕСОПРОМЫШЛЕННАЯ»:
РАЗВИТИЕ ВЕЛЬСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX В.**

Аннотация. В статье приводится характеристика развития лесоперерабатывающей промышленности Европейского Севера России в XIX в. на примере Вельского уезда Вологодской губернии. Описаны особенности лесопользования на Русском Севере и специфический «вельский» способ лесопереработки. Выделены две тенденции развития крестьянских лесных промыслов: интенсивный рост «деревенской индустрии» к середине XIX в. и отставание (в технологиях, в качестве продукции, в организационно-производственных формах, в объёмах производства и доходности) к концу века. Дан анализ факторов, препятствовавших перерастанию мелкого, полудомашнего производства в более крупное и рентабельное.

Ключевые слова: кустарные промыслы, лесоперерабатывающая отрасль, смолокурение, индустриализация, Российская империя, Русский Север.

O. Morova*Moscow State Regional Institute of Humanities, Orekhovo-Zyuevo***«FACTORY AND TIMBER INDUSTRY DISTRICT»: THE DEVELOPMENT
OF VELSKY DISTRICT IN VOLOGDA PROVINCE IN THE XIX CENTURY»**

Abstract. The article deals with the problems of developing timber industry in the European North of Russia in the XIXth century, represented on the example of Velsky district in Vologda province. The peculiarities of forest exploitation in the Russian North and the specific "velsky" way of timber processing are described. The author singles out two tendencies of peasants' forest crafts development: intensive growth of "rural industry" by the middle of the XIXth century and lagging behind (in technologies, in product quality, in organizational and production forms, in outputs and profitability) by the end of the century. The factors, interfering the development of a small-scale, semi-house production into a larger and profitable one, are analyzed.

Key words: homecraft, timber industry, tar-distilling, industrialization, the Russian Empire, the Russian North.

Европейский Север России – территория, сформировавшаяся под воздействием уникальных природно-климатических и историко-культурных факторов. Существенной отличительной чертой региона явля-

© Морова О.В., 2015.

лось оптимальное сочетание природно-приозерной системы расселения, территориальной организации жизни сельского населения, земледелия и природопользования. В северных губерниях России (Архангельской, Вологодской, Новгородской, Олонецкой)

переход населения к промышленному производству и торговому предпринимательству начался гораздо раньше, чем в центральной России, и протекал активнее. Тому способствовали богатая ресурсно-сырьевая база региона; открытость северных территорий, их свободные внешние экономические и информационные контакты; отлаженные к началу XIX в. торговые связи с внутренними территориями России и внешними рынками по северным водным путям и через морской порт Архангельск; государственная политика поощрения крестьянской торговой и промышленной деятельности, позволявшей казенным и удельным крестьянам исправно платить налоги и сборы.

Уже в первой половине XIX в. северные губернии отличались высоким уровнем развития крестьянской кустарной промышленности, в которой ведущей отраслью стала лесопереработка. Самой «лесоизобильной и лесопромышленной» из северных территорий России была Вологодская губерния, в которой из 34 700 000 десятин лесных угодий принадлежали казне 32 800 000 десятин. В Вологодской губернии ведущей зоной активного развития так называемой «деревенской индустрии» являлся Вельский уезд, изрытый долинами рек Ваги, Вели, Кокшенги, Устьи и весь покрытый лесами. Ключевой фигурой протоиндустрии в лесопереработке стал вельский крестьянин – владелец промышленных производств.

История лесопереработки на Русском Севере, Вологодчине и в Вельске не утратила актуальности для исследователей. Обобщение накопленного научного и статистического материала даёт возможность охарактеризовать развитие крестьянской лесной про-

мышленности Вельского уезда в условиях переходной экономики. Материалы статьи опираются на данные официальной статистики, опубликованные в изданиях Вологодского губернского статистического комитета в разные годы XIX в. Расширить и детализировать сведения о промышленной деятельности вельского крестьянства позволяют труды историков-краеведов Ю.Н. Васневского, Е.Н. Овсянкина [2; 5] и других.

Лесосырьевая база всей Вологодской губернии была чрезвычайно широкой. В лесных массивах Вельского уезда преобладали хвойные леса, особенно сосновые, а из лиственных пород значительные площади занимала берёза. В регионе сформировались две стратегии использования крестьянами лесных угодий – в домашнем натурально-потребительском хозяйстве и для целенаправленного производства и сбыта вне домашнего хозяйства. Строевой лес шел в распиленном виде за рубеж, преимущественно в Англию. Внутри же страны лес использовался в кораблестроении для изготовления маломерных судов.

Хвойные и лиственные породы деревьев находили широкое применение в кустарных промыслах для производства промышленной продукции и изделий для домашнего обихода. Каждый вид продукции лесных промыслов по специальной технологии изготавливался на предприятии, которое по терминологии XIX в. называлось заводом. Работали скипидаропековаренные, дёгтекурные, сажекопильные заводы. Скипидаропековаренные заводы производили скипидар, пек и канифоль. Деготь производился из бересты или

из сосновой смолы. Смесь берёзового дегтя с сосновой смолой использовалась для выделки юфти, для колесной смазки и в строительстве. Сажу получали на сажкопильных заводах и использовали для изготовления черной краски, в полиграфии и спичечном производстве [10, с. 34-35].

Основой всех лесохимических промыслов Вельского уезда было смолокурение. Еще в XVI в. через Архангельск осуществлялись регулярные поставки северной смолы на рынки Лондона, Амстердама, Антверпена. В XVII – XVIII вв. для удовлетворения возрастающего спроса на смолу вывозилось до 100 тысяч бочек смолы по 8 пудов веса каждая [8]. В XVIII в., не желая упускать доходный промысел, государство монополизировало продажу смолы, что позволило скупать её у смолокуров и втридорога продавать за границу. Во второй половине XVIII в. казна отдала монополию на вывоз смолы через Архангельск иностранцу Карлу Рентгольдту. С ним был заключен контракт на 8 лет на ежегодную поставку до 30 тысяч бочек смолы (по 8 пудов каждая). Однако контракт не был выполнен – сначала сгорел склад, на котором хранились бочки со смолой, а в 1762 г. монополии в России были отменены и добыча северной смолы активизировалась.

В конце XVIII в. война между Англией и Североамериканскими штатами неожиданно придала новый импульс развитию смолокурения на европейском севере России. В результате военных действий поставки терпентина (живицы) из Америки в Англию прекратились, что заставило промышленников переориентироваться на Россию. В 1780 г. в Вельском

уезде английский фабрикант Жерве Бойс организовал добычу терпентина для производства смолы и получение пека, канифоли и скипидара. Когда война прекратилась, фабрикант вернулся на родину. В Вельском уезде производство канифоли и скипидара после этого приостановилось, но смолокурение осталось базой кустарного производства и стало активно развиваться.

К середине XIX в. сложилась специфическая «вельская» система кустарного лесохимического промысла с особыми условиями получения сырья и технологией производства [4]. Первоначально смолу добывали по традиционной технологии из естественного осмола, который скапливался на горячах, или из зрелых пней и корней срубленных деревьев. С разрешения гражданского губернатора Вологодской губернии негодный валежник, пни, корни под наблюдением местных лесных чиновников отпускали всем желающим для переработки. Крестьяне-смолокуры для своих промыслов покупали по специальным билетам в казенных или удельных дачах смолье, осмол из пней и корней. Если смолопромышленники выкапывали осмола больше, чем указано в билете, то вместо штрафа с виновных взыскивали деньги за то количество ведер смолы, которое они получили сверх отведенной нормы¹.

Однако для больших объёмов производства смолокурам такого сырья и традиционной технологии было недо-

¹ Согласно правилам «О казенных лесах, состоящих в ведомстве Министерства государственных имуществ» из кн. 2 Ч. 4 Свода уставов казенного управления (Свод законов Российской империи, повелением гос. имп. Николая Павловича составленный. Изд. 1842 г. Т.8. Уставы: лесной, о казенных оброчных статьях, о хозяйственном управлении казенных населенных имений).

статочно. По билетам «на добывание поташа, приготовление угля, сидку смолы и дёгтя и выделку разных изделий» на 5-10 лет, на одно или несколько селений крестьяне-смолокуры брали в условное пользование или ответственное хранение участки леса – лесосеки. На своих лесных участках вельские крестьяне с начала XIX в. применяли технологию получения стволового осмола путем искусственной подсочки сосновых деревьев. Такой способ искусственной подсочки стали называть «вельским» [6, с. 19-22]. Лесосеки разделялись смолокурами между собой по домохозяевам на полосы, уголки, отрезки и другие части. Причем ранее практиковалось правило первого захвата, но потом стал производиться раздел по установленному порядку. В результате нарезки у каждого домохозяина на счету получалось от 8 до 12 отдельных мест для подсочки. Каждый кустарь-смолокур с семьёй вел своё подсочное хозяйство [6, с. 25].

Подсочка сосны была длительным процессом. Каждую весну с началом сокодвижения (примерно с середины мая) с определённой сосны кольцами снималась кора. На обнаженных местах соснового ствола выступал тер-

пентин – живица, которая на воздухе затвердевала. Смолокуры называли её «серой». В первые 2-3 года подсачивания сера снималась в октябре особыми скребками в полотняный поднос, складывалась в корзины и, как правило, продавалась скупщикам на пековаренные заводы. Отведённый для подсочки участок бора подсачивался в течение 5 лет, а в сырых местах – 3 года. В последний год подсочки в июле снимался последний ремень с дерева. Дерево засыхало и в начале зимы срубалось на смольё. По примерным подсчётам, средний крестьянский двор ежегодно вырубал 1200 сосен [6, с. 29].

Годичный цикл работы смолокура длился от 110 до 170 дней, из которых 25-30 дней занимала подсочка, 10-20 дней шел сбор живицы, 20-30 дней шли рубки и возки смолья к смолокурной печи; 10-15 дней крестьянин был занят распиловкой, расколкой и посадкой смолья в печи; 15-30 дней длилась собственно выкурка смолы; в течение 15-20 дней заготавливались бочки, 10-15 дней уходило на доставку смолы скупщикам. В Вельском уезде к середине XIX в. наблюдалась самая высокая концентрация лесных кустарных промыслов (см. табл.) [9, с. 43-44].

Таблица

Промышленные заведения Вельского уезда в 1856 году

Местность	Производство	Кол-во заведений	Выделано продукции в руб.
Верховажский посад	скипидарное	8	5 834
	сажекопильное	4	
Вельский уезд	скипидарное	11	8 755
	сажекопильное	16	1 354
	писчебумажное	1	2 358
	дегтекурение	17	1080
	смолокурение	499	9589
	кирпичное	2	400
	кожевенное	5	1050

Отмена крепостного права стимулировала процессы модернизации экономики России, предпринимательскую инициативу, что способствовало дальнейшему расширению масштабов лесохимической промышленности. По статистическим данным о фабриках и заводах Вологодской губернии за 1866 г., Вельский уезд лидировал по 2 показателям: по общему количеству заводов и фабрик и по числу крестьян, ими владеющих [10, с. 12-21]. Устойчивый спрос на внутреннем и внешнем рынках на продукцию крестьянских лесных промыслов являлся залогом их высокой доходности. Всего в уезде работало 39 заводов и фабрик, из них 30 промышленных заведений принадлежало крестьянам, а остальными владели купцы. Для сравнения, в Тотемском уезде работало 11 заводов, причем крестьяне были владельцами 7 предприятий.

Самым «капиталистом» крестьянином Вельского уезда был Савватий Григорьевич Кудрин, у которого было 4 скипидаро-пековаренных завода и 3 сажекопильни с общим объёмом производства более 714 530 рублей. Его заводы и копильни располагались при деревнях Климовской, Есютинской, Петуховской. Производимые пек, скипидар, канифоль, сажа сбывались в Архангельск, Санкт-Петербург и Москву. Вельский крестьянин Константин Алексеевич Коротаев имел 2 скипидаро-пековаренных завода и один сажекопильный с общим объёмом продукции на сумму 3 066 рублей. В Верховажском посаде один скипидаро-пековаренный завод принадлежал крестьянке Анне Рудаковой, сырьё для которого она закупала у местных крестьян, а продукцию отправляла в Ар-

хангельскую и Новгородскую губернии. При Ивановском починке были устроены сажекопильные заводы, владели которыми крестьяне Евмений Алексеевич и Куприян Алексеевич Лодыгины и Иван Михайлович Горбунов. Из 1 800 пудов бересты на их копильнях вырабатывалось 600 пудов сажи, которая сбывалась в Ярославль, Москву и Санкт-Петербург.

Необходимо отметить, что крестьянские домохозяйства и даже целые сельские общества Вельского уезда, Вологодской и иных губерний русского Европейского Севера, вовлечённые в промышленное производство, ориентированные на собственные ресурсы, выгодно отличались от своих «социальных побратимов», например, крестьян Поволжского земледельческого центра. Они не покидали своей территории, оставались при доме, при земле. Крестьяне-смолокуры имели постоянный и высокий достаток, отличались исправной уплатой податей и других сборов и практически не имели недоимок. Но несмотря на огромный потенциал (мощную сырьевую базу, высокую предпринимательскую активность и многочисленность крестьян-кустарей, устойчивый спрос на продукцию лесопереработки, высокую доходность внутренней торговли), Вельский уезд не стал базой формирования крупной лесоперерабатывающей промышленности, а российское лесохимическое производство не переросло к концу века в более высокоорганизованные и рентабельные формы.

Известный русский лесовод Ф. Арнольд писал в 1864 г.: «Во всей Европе нет ни одного государства, в котором бы казенные леса доставляли столь ничтожный доход как в России» [1, с.

505]. Он приводил пример европейских государств: во Франции от одного миллиона десятин казенных лесов чистый доход государства в 1861 г. составил 8,5 миллионов рублей, а в Пруссии от двух миллионов десятин лесных площадей – более 3 миллионов рублей дохода. На их фоне доходность российских лесов выглядела ничтожно малой: от 110 миллионов десятин всех казенных лесов, находящихся в ведении Министерства государственных имуществ, в 1862 г. доход составил менее 1,5 миллионов рублей.

Чем же можно объяснить низкую рентабельность использования лесных ресурсов? В числе причин – особенности и масштабы лесопользования, состояние технического прогресса и невысокий уровень технической грамотности в лесопереработке, сложности формирования рыночных механизмов и ряд иных. Лесосырьевая база после отмены крепостного права стала стремительно меняться. Так, исчез строевой лес, потому что многие помещики начали продавать и давать на сруб лесные массивы лесопромышленникам. Порубки производились без всякой системы, что приводило к фактическому истреблению лесов. Обозначилась проблема технического несовершенства производства смолы на Русском Севере, причем на внешнем рынке укреплялись позиции конкурентного товара – финской смолы. Финские мастера, в 60-х и начале 70-х гг. XIX в., организовали штат инструкторов для улучшения смолокурения, ввели некие прообразы отделов качества, которые браковали негодную продукцию, улучшили тару для перевозки смолы. Результатом стало повышение в 1875 г. цен на финскую смолу как

более качественную и соответственно рост спроса на неё. Но были и иные существенные обстоятельства, среди которых невозможность снижения издержек на доставку товаров до потребителя, невозможность быстрого оборота товаров и денег, необходимых для накопления капитала в промышленности, при отсутствии налаженной кредитно-финансовой системы.

Доступ к внутренним и внешним рынкам для производителей из северо-западных губерний был крайне затруднен в силу особого местоположения, климатических условий и особенности торговых путей в регионе и стране. Навигация позволяла предпринимателям осуществить в Архангельск лишь один рейс в год (в течение четырех-пяти месяцев), что увеличивало транспортные издержки вдвое. Русским купцам и торгующим крестьянам, чтобы доставить свой груз к Архангельску, приходилось с осени скапливать свои товары в Вологде, Великом Устюге, Верховажье и других торговых центрах региона на берегах рек, а весной, после окончания ледохода, сплавлять их к устью Северной Двины для сбыта на ярмарке. Перенесение основной массы внешнеторговых операций с Белого моря в Санкт-Петербург снизило торговую привлекательность Архангельска, что привело к сокращению объёмов продаваемой через северный порт продукции. Ситуацию могло бы изменить своевременное строительство железных дорог в регионе. Однако первая ветка железнодорожного пути из центральных районов страны до Архангельска вступила в действие в 1897 г., и только с 1899 г. от Вологды до Архангельска установилось постоянное железнодорожное сообщение (до

1915 г. на узкой колее) с регулярным движением 3-4 пар поездов в сутки.

Негативное влияние на снижение темпов развития и доходности кустарной лесопромышленности имела также лесная политика государства. Как отмечал Ф. Арнольд: «формальность при покупках казенного леса обременительна, цены на лес несообразны с его стоимостью, лесная стража не надежна, административная централизация чрезмерна, а настоящего контроля нет» [1, с. 508]. Со стороны правительства России не придавалось значение комплексному развитию лесопереработки, начиная от условий лесопользования, заканчивая повышением технологической грамотности производителей. Первая и единственная государственная школа в Вельском лесничестве была открыта лишь 1 сентября 1895 г. (было 8 учеников). При школе был устроен смолокурный завод как образец для ознакомления крестьян с новейшими приёмами смолокурения.

Достижения науки и техники концу XIX в. активно внедрялись в химической промышленности Европы и США, появились суррогаты – каменноугольные смолы, модернизировались техника и технология производства. В Европе для распространения новинок среди производителей открывались школы и опытные мастерские. В России же обширные площади лесных массивов (колоссальные по объему сырья), принадлежащих государству, были своеобразным тормозом внедрения новых технологий производства продукции лесохимической промышленности. Живица проходила недостаточную обработку, сохраняя значительное количество загрязнений

и примесей. Скипидар и канифоль получались низкого качества, но все же на ёмком внутреннем рынке страны находили своего покупателя. Сажу, также низкого качества, которую крестьяне ещё и фальсифицировали водой для придания большего веса, постепенно вытесняла более чистая и сухая финская. Вологодская канифоль, крайне дешёвая, но некачественная, могла использоваться лишь для приготовления сургуча. Поэтому для изготовления некоторых сортов мыла, для проклеивания бумаги, для производства высококачественных лаков и масляной краски канифоль в Россию завозили из-за границы, преимущественно из Франции, и объёмы таких закупок росли.

В отчетах Вологодского губернского кустарного комитета, образованного в 1886 г. с целью содействия развитию кустарной промышленности региона, среди причин, препятствовавших развитию лесохимическим промыслам, назывались отсутствие кредитного финансирования, засилье скупщиков, незнание современных технологий обработки сырья, техническая отсталость лесохимического производства, недобросовестность крестьян-производителей [3, с. 17]. Даже к концу XIX в. не все кустари имели собственные печи для производства, что снижало их заинтересованность в расширении своего дела, так как при работе с чужой печью весь скипидар шел в пользу ее владельца.

Крестьяне-кустари Вельского уезда и всего Русского Севера, оказались в ситуации, которая не позволила им в полной мере реализовать свою экономическую активность в условиях не совершенства, незрелости рыночных

механизмов и несоответствия существующих форм природопользования потребностям всех участников производственной и торгово-предпринимательской деятельности. Неблагоприятно отразилась на смолокурении конкуренция с крупными промышленными предприятиями, что усиливало отток рабочих рук на фабрики и заводы [7, с. 34-35]. Вышеназванные факторы способствовали консервации кустарного (полудомашнего, мелкого) типа производства, обуславливали низкую рентабельность лесоперерабатывающей промышленности России. Вызревание технологических и социокультурных предпосылок для индустриализации отрасли в России деформировалось.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд Ф. К истории русского государства лесного управления // Лесной журнал. 1883. № 10. С. 503-522.
2. Васневский Ю.Н. Леса и лесное хозяйство Вологодской губернии (краткие сведения). Вологда: б.и., 1920. 16 с.
3. Кустарные промыслы: текущая статистика за 1895-1896 сельскохозяйственный год. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1897. 200 с.
4. Кустарное смолокурение на смоляподсочки. СПб.: Изд. Лесного Деп-та, 1895. 128 с.
5. Овсянкин Е.Н. Ярмарки на Ваге // Важский край. 1991. 25 июня.
6. Памятная книжка Вологодской губернии на 1896-1897 годы. Вологда: Тип. Вологодского губ. правления, 1896. 250 с.
7. Полферов Я.Я. Кустарная промышленность России. СПб.: Ред. период. изд. Мин. финансов, 1913. 187 с.
8. Репин Н.Н. Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII века // Северный археографический сборник. Вып. 3 [Материалы по истории Европейского Севера СССР]. Вологда: Вологодский пед. ин-т, 1973. С. 177-199.
9. Справочная книжка для Вологодской губернии на 1856 год: очерк промышленности и торговли Вологодской губернии. Вологда: Губ. тип., 1856. 95 с.
10. Статистические материалы, составленные из ведомостей однодневного исчисления жителей: прибавление к Памятной книжке Вологодской губернии за 1867-1868 год [Часть IV. Статистические данные о фабриках и заводах Вологодской губернии за 1866 год]. Вологда: Изд. Вологодского губ. стат. комитетта, 1868. 36 с.